

УДК 398.44

Г. А. Трофимов

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***ОБ АНТРОПОМОРФНОСТИ ЗМЕЕВ И ДРАКОНОВ
В РУССКОМ И БРИТАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

В статье рассмотрен вопрос антропоморфности змееподобных существ в русском и британском фольклоре на материале сказки, былины и легенды. В русской народной традиции автор выделяет две ипостаси змея. Первая, в которой преобладают зооморфные черты, ассоциируется в народном сознании с другими сверхъестественными животными, среди которых можно выделить птицу и льва. Вторая ипостась – антропоморфная – характеризуется проживанием в человеческом жилище, использованием холодного оружия и т. д. Антропоморфный змей в русской сказке в определенной степени родственен образу правителя чужого царства, связанного с концепцией иномирия, при этом четкой границы между антропоморфной и зооморфной вариацией образа змея нет. В былине чудовище обнаруживает гораздо более явную связь с образом агрессивного иноземного захватчика. В антропоморфной вариации наблюдается преобладание человеческих черт над змеиными; последние получают иногда новое, более рациональное объяснение. Британская легенда, напротив, описывает образ максимально зооморфного змея или дракона, поведение которого характеризует его как агрессивное хищное животное, не способное, в отличие от русского «звероподобного» змея, к человеческой речи и мышлению. Наконец, в британской сказке змееподобные существа близки зооморфному змею из русской сказки и былины, а функции, характерные для его антропоморфной вариации, в тех же или близких сказочных сюжетах выполняет другое антропоморфное чудовище – великан. Образы чудовищ женского пола – змеихи в русских сказках и великанши в британских – также обнаруживают общность внешних черт и образа действий. Сделанные в статье выводы проиллюстрированы примерами из фольклорных источников.

Ключевые слова: фольклор, дракон, змей, великан, антропоморфизм, сказка, легенда, былина, иномирие, драконоборчество.

Представления о фантастических существах змеиной природы отражены в фольклоре и мифологии многих народов. Несмотря на удивительную устойчивость ряда черт, присущих змеям и драконам в различных народных традициях, мы можем выделить широкий спектр вариаций этих образов, отличия которых друг от друга характеризуются рядом параметров. В качестве одного из таких показателей выступает степень антропоморфности змееподобного существа. В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности проявления этого свойства змеев и драконов в русской и британской фольклорных традициях, обратившись к произведениям сказочного, легендарного и былинного жанров.

Мы будем использовать традиционную систему ссылок на сборники фольклорных произведений, согласно которой упоминание конкретного текста состоит из краткого обозначения сборника и номера текста в нем. Например, говоря о сказке «Иван

Быкович», приведенной в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева под номером 137, мы обозначим ее как «Аф. 137». Перечень фольклорных сборников приведен в списке условных сокращений.

Образ змея как мифического существа берет свое начало, согласно предположению В. Я. Проппа, в первобытных представлениях о священных животных [3, с. 227], в числе которых могли быть и змеи. Дракон же является более поздним, усложненным образом, появившимся, вероятно, в мифологии народов Древнего мира [3, с. 245] и присоединившим к змеиной основе черты других животных – главным образом, птицы [3, с. 247]. Таким образом, змееподобные существа в мировом фольклоре имеют животную основу.

Антропоморфизм в широком смысле слова представляет собой наделение животных, предметов и т. д. человеческими качествами [10]. Разумеется, черты змея или дракона в рамках одного сюжета

или даже отдельных его вариантов могут существенно варьироваться, поэтому в случае с каждым фольклорным текстом мы можем говорить о большей или меньшей степени антропоморфности чудовища. О ней мы можем судить по ряду внешних и поведенческих черт рассматриваемого персонажа. Отметим, что для фольклорных текстов – особенно это касается сказок – характерным является отсутствие целостного описания змееподобного существа, поэтому о его характеристиках в некоторых случаях мы можем судить лишь по отдельным упоминаемым признакам.

В русских народных сказках змей может проявлять себя и как зооморфное, и как антропоморфное существо. В числе признаков, свидетельствующих о его принадлежности к животному миру, можно назвать многоголовость, которую змей проявляет практически во всех основных сказочных сюжетах со своим участием («Победитель змея» (СУС 300₁), «Бой на калиновом мосту» (СУС 300А), «Три подземных царства» (СУС 301), «Катигорошек» (СУС 312D)), а также его способность к полету, предполагающую наличие крыльев, которые, однако, обычно не упоминаются (Аф. 171, Аф. 176, Аф. 204, Ник. 1), и способность к поеданию людей. Еще одной чертой, свидетельствующей о зооморфности змея, является его проживание в дикой местности; в локациях, характерных для других представителей фауны: так, в сказках на сюжет «Победитель змея» чудовище, как правило, связано с водной стихией и, по-видимому, обитает в ней; в отдельных случаях (Карн. 133) место его проживания связывается с горами. В Аф. 133 змей живет в *норе*, а в Аф. 334 – в *логове*, находящемся на острове; с островами он также связывается в Аф. 125 и Кор. 1.

Принадлежность чудовищного змея к царству животных сближает его образ в народных представлениях с другими, вполне реальными живыми существами. С одной стороны, он проявляет иногда птичьи черты. Например, в сказке Кор. 5 сестра героя, желающая его погубить, дает ему, казалось бы, невыполнимое задание: достать *яйцо из-под змея, сидящего на дубе в три километра вышиной* – вероятно, в гнезде, что вызывает вполне явные ассоциации с птицей. В другой сказке – Аф. 271 – змей полностью заменяется чудовищной *Гриб-птицей* (прообразом такого названия стал, скорее всего, гриф), сохраняющей выполняемые змееподобным чудовищем функции (в тексте Ник. 4 вместо нее действует змей): она переносит героя, завернувшегося в лошадиную шкуру, в другое царство; затем он сражается с птицей и убивает ее.

С другой стороны, сознание русского человека связало образ змея с таинственными иноземными животными, такими, как, например, *лев*. В Аф. 155 герою мстит сестра убитых им змеев – *девица-львица*, обладающая способностью к оборотничеству и принимающая как человеческую форму, так и чудовищное львиное обличье. В варианте сказки Аф. 271, приведенном в примечаниях А. Н. Афанасьева к своему сборнику, место Гриб-птицы занимает *птица-львица*. Своеобразное равноправие змея, птицы и льва находит подтверждение в сказках, где эти существа действуют наравне, выполняя единую функцию – например, выступая в качестве помощников протагониста. Так, в Кор. 6 – своеобразном варианте сюжета «Волшебное кольцо» (СУС 560) – герою помогают не «традиционные» для этой сказки кошка и собака, а *лев-медведь*, *лев-зверь*, *огненный змей* и *мышь*. В Аф. 233 (СУС 400) Василий-царевич освобождает из заточения *льва*, *змея* и *ворона*, которые, отблагодарив его ценными советами, возвращаются в свои царства. В данном случае это «животные» царства (т. е. змей правит на своей земле змеями, лев – львами и т. д.), которые могут являться отголоском тотемических представлений о животных – покровителях рода; согласно первобытным верованиям, после смерти человек попадает в мир, где они царствуют [4, с. 279].

В большинстве же других случаев змей как правитель иноземного царства, истоки представлений о котором связаны с потусторонним миром, является в русских сказках гораздо более цивилизованным существом, живущим во *дворце* (Аф. 129, Аф. 140) или *доме* (Аф. 131, Аф. 139). Особенно ярко это проявляется в сюжете о трех подземных царствах (СУС 301), а также в некоторых вариантах сказки о Марко Богатом и Василии Бессчастном (СУС 461) – например, Аф. 305, согласно сюжету которого *Царь Змий* правит далеким государством, в котором живут люди. В Кор. 13 змей, также являющийся правителем царства, женат на *русской Марфе-царевне*.

О смешении в народном сознании представлений об иноземном правителе и змееподобном чудовище говорят и некоторые варианты «Победителя-змея», в которых требование змея отдать ему на съедение царскую дочь трансформируется в ультиматум иноземного правителя, который желает забрать царевну для насильственного супружества (Кор. 2). В сказках на сюжет «Медный лоб» (СУС 502) у змея появляется даже *войско* (Аф. 123, Аф. 124), с помощью которого он осаждает город, а в варианте Кор. 1 змеиные черты

антагониста стираются окончательно, и городу угрожает уже «простой человек» – иноземный король.

В иных случаях чудовище не выступает в роли иномирного царя, однако проживает в «цивилизованном» жилище: *каменном строении* (Карн. 89), *дворце* (Аф. 134) или *доме в лесу* (Аф. 295 и 296 – варианты из примечаний к сборнику). Лес, в котором обитает зооморфный змей, становится местом жительства и для «очеловеченной» вариации чудовища, потому что он, так же как и сказочные «чужие» царства, представляет собой, с точки зрения рассказчика, дикую, опасную и удаленную местность, которая тоже ассоциируется в народном сознании с представлениями об иномирии как о месте, где обитают сверхъестественные существа.

Для сказочных сюжетов «Бой на калиновом мосту» и «Три подземных царства» характерны другие признаки цивилизованности змея: так, в первом сюжете он появляется на месте сражения в виде всадника на коне, сопровождаемого животными: *собакой (хортом)* и *соколом* (Аф. 134, Аф. 135) либо *вороном* (Аф. 137). В бою змей может использовать то же оружие, что и герой: *палицу* (Аз. 8, Аф. 129), *булаву* (Аф. 139) или *меч* (Аф. 129).

Отметим, что несмотря на, казалось бы, достаточно четкое выделение двух типов русских сказочных змеев – зооморфного и антропоморфного – граница между их образами в народном сознании достаточно условна и размыта. Это проявляется в смешении черт двух типов чудовищ в рамках одного сюжета или даже конкретного текста: например, в Ник. 1 змей просит царевну *в жены*, но везут ее ему *на съедение*. Змей, представляющий собой конного всадника, может слиться со своим ездовым животным в единый и, скорее, зооморфный образ гибридного чудовища с лошадиным телом и несколькими человеческими головами (Ник. 12).

Несколько более четкое разделение этих двух ипостасей змея наблюдается в русском былинном эпосе. Образ антропоморфного чудовища в былине окончательно слился с представлениями об иноземных врагах. В образах таких персонажей, как *Идолище* (Гильф. 48), *Калин-царь* (Гильф. 296, Марк. 2), *Тугарин Змеевич* (Авен. 4, Пом. 43) человеческие черты преобладают, и злая, нечистая (языческая, иноземная) природа этих антагонистов лишь подчеркивается их «змеиным» поведением. Так, в Марк. 2 Калин-царь *кричит по-звериному, свистит по-соловьиному*; в Марк. 11 так же поступает безымянное *царище неверное*.

Некоторые мотивы, представляющиеся вполне естественными в сказочном сюжете, в былине получают новое, более рациональное, с точки зрения народной логики, объяснение. Это происходит потому, что для былины, как отмечает Э. В. Померанцева, характерен определенный историзм и правдоподобие описываемых событий [2, с. 167], в реальность описываемого в ней певцы, как правило, верят [5, с. 261]. Так, определенной рационализации подверглись некоторые черты «очеловеченного» змееподобного противника: Тугарин Змеевич, так же как и сказочный змей, проявляет способность к полету, однако летает он по поднебесью либо с помощью искусственных, *бумажных* крыльев (Гильф. 99, Пом. 36, Пом. 37, Пом. 42 и др.), либо на крылатом коне (Пом. 35, Пом. 38). Последний может перенимать еще один признак, характерный для змея, – огненную природу чудовища (Авен. 4, Пом. 43, Марк. 47, Пом. 38).

Еще один образ антропоморфного былинного врага – *Соловей-разбойник* – проявляет птичьи атрибуты. Он сидит *в соловьином гнезде на одном* (Гильф. 74 и др.), *трех* (Авен. 10 и др.), *шести* (Гильф. 171), *семи* (Гильф. 56 и др.), или *двенадцати* (Гильф. 104 и др.) *дубах*, в то время как семья чудовища может проживать как в человеческом (*дом* (Авен. 10, Гильф. 3 и др.), *палаты* (Гильф. 120), *терем* (Марк. 1)), так и в зверином (*гнездо* (Гильф. 74, Гильф. 212)) жилище. Примечательно, что на дуб садятся и змееподобные чудовища как в сказках (Аф. 207), так и в былинах (Пом. 33).

Свист – единственное и смертоносное оружие Соловья – является, согласно славянским представлениям, характерным атрибутом нечистой силы, приписываемым не только змеям и родственным им существам, но также лешим, колдунам и т. д. [6, т. II, с. 336].

Встречается в былине и «классический» зооморфный змей – наиболее распространенным и известным сюжетом мы можем назвать песню о змееборческом подвиге Добрыни, однако, вредительские действия и этого чудовища обретают новый смысл, делая его государственным врагом, угрожающим безопасности всей страны: в *змеиных пещерах* богатырь находит не только похищенную девушку, но и множество *полонов* – других похищенных змеем людей (Авен. 6, Гильф. 5 и др.).

Вариативность змееподобных существ в британской легенде гораздо скромнее: наиболее типичные их признаки, такие как ядовитое [7, с. 313; 8, с. 67–69; 8] или огненное дыхание [7, с. 174;

11, с. 48–51], а также способность к полету [7, с. 187; 12, с. 143–145] говорят о зооморфной природе чудовищ. Соответствуют такой характеристике и виды вредительства: драконы из легенд Британских островов, как правило, терроризируют окрестности [11, с. 12–15; 12, с. 56–58], поедая людей и скот [7, с. 163; 8]. При этом в большинстве случаев они представляются совершенно неразумными существами, напоминающими скорее дикое агрессивное животное, с яростью набрасывающееся на все, что увидит; такая особенность их поведения помогает героям, осмелившимся бросить монстрам вызов, воспользоваться неспособностью своих противников анализировать ситуацию. Во многих случаях драконоборец не вступает в открытое сражение с чудовищем, а использует ряд хитроумных уловок, помогающих победить его без боя или, по крайней мере, лишит сил: так, в легенде о драконе из валлийской деревни Перминиз (Penmynydd) хитрый местный юноша заставляет чудовище сражаться с собственным отражением [7, с. 401; 8]; в другом сюжете, связанном с деревней Ллэндейло Грэбен (Llandeilo Griban), герой изготавливает макет дракона, который чудовище также принимает за незваного сородича и нападает на него [9].

Подобные отличия, на наш взгляд, вполне оправданы и связаны с особенностями жанра: если змеборческий подвиг героев русского былинного эпоса носит государственный характер и связан с защитой Родины, то масштаб действий большинства британских легенд охватывает лишь один или несколько населенных пунктов, в окрестностях которых разворачиваются события, поэтому и опасность, угрожающая людям, носит иной характер: чудовище здесь – это не грозный иноземный захватчик, угрожающий всей стране, а всего лишь страшный зверь, масштабы деструктивной деятельности которого гораздо скромнее.

Отсутствие признаков разума у британского дракона дополняется и его неспособностью к человеческой речи; исключения из этого правила нередко представляют собой сюжеты, носящие комический характер; в них герой побеждает чудовище, например, угостив его отравленным или просто очень вязким пудингом [9; 11, с. 143–145]. В этом заключается отличие британского легендарного дракона от русского змея, который даже в максимально «звериной» своей ипостаси в контексте сказок и былин, как правило, сохраняет способность к мышлению и человеческой речи.

В британских сказках змей в своей зооморфной ипостаси напоминает своего русского сказочного «собрата»: обитает в дикой местности – в озере (связь с водной стихией особенно характерна, как и в русском фольклоре, для сюжета «Победитель змея»: Curt-I. 9 и др.) или в лесу (Curt-II. 17), обладая в ряде случаев способностью к мышлению и речи. Однако антропоморфной вариации образа британская сказка не обнаруживает; место «цивилизованного» змея в сказке «Три подземных царства», а также некоторых других британских сюжетах, обнаруживающих сходство с русскими (например, сказка «Рыжий Этин» (“The Red Etin”), структура повествования которой во многом аналогична русским текстам о Катигорошке), занимает *великан* (*giant*). Это чудовище обнаруживает удивительное поведенческое, а частично также и внешнее (нередко великан имеет несколько голов) сходство как с русскими, так и с британскими образами змеев и драконов: он живет в пещере, пожирая местных жителей и их скот («Джек – победитель великанов» (“Jack the Giant Killer”) – Hart. 1 и др.); в других случаях его жилище может представлять собой *дом*, находящийся в иномирном царстве («Три подземных царства» (“The Three Stolen Princesses”) – Camp. 16, Camp. 57), при этом вредительство чудовища и в британских версиях «Трех царств» заключается, так же как и в русских, в похищении женщин с целью насильственного супружества.

Женский образ змеихи – жены или матери убитых героем змеев, мстящей ему за смерть чудовищ-мужчин, – также соответствует аналогичным образам великанш в британских сказках. Эти представители нечисти в обеих народных традициях связываются, с одной стороны, с представлениями о ведьмах (*Баба-яга* (Аф. 136), *старая ведьма* (Аф. 137), *Кальек* (*the Cailleach*) (Camp. IV)), а с другой – проявляют черты, характерные для змея (например, широко раскрывают свою ужасную пасть, в которую герой бросает какой-либо предмет (Аф. 135, Camp. IV)).

Таким образом, в русских сказках и былинах змей проявляет себя в двух ипостасях – зооморфной, позволяющей причислить его к представителям фауны, и антропоморфной, связываемой образом враждебного правителя иноземного государства. Для британской народной традиции наиболее характерной является зооморфная вариация змея или дракона, в то время как типичные функции антропоморфного змея из русской сказки в британских сказочных сюжетах выполняют другие чудовища-вредители – великаны.

*Условные сокращения
и источники фольклорных текстов*

Авен. – Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / сост. В. П. Авенариуса. Изд. 6-е. М.: Изд. книгопродавца А. Д. Ступина, 1902. 386 с.

Аф. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т. / подгот. текста, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М.: Гос. изд-во художественной лит., 1957. Т. I–III.

Гильф. – Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года с двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1873. 1392 с.

Карн. – Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнаухова / вступит. ст. Т. Г. Ивановой. М.: ОГИ, 2009. 544 с.

Кор. – Сибирские сказки / пересказ А. С. Кожемякиной; литератур. запись И. С. Коровкина. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1973. 175 с.

Марк. – Беломорские былины, записанные А. Марковым / предисл. В. Ф. Миллера. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 632 с.

Ник. – Никифоров А. И. Победитель змея. Севернорусские сказки / А. И. Никифоров; вступит. ст. А. В. Козьмина. М.: ОГИ, 2009. 160 с.

Пом. – Добрыня Никитич и Алеша Попович / отв. ред. Э. В. Померанцева; подгот. изд. Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого. М.: Наука, 1974. 449 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барага, И. П. Березовского, К. П. Кабашникова, Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1979. 439 с.

Camp. – Popular Tales of the West Highlands / collected and translated by J. F. Campbell. London: Paternoster Row; Paisley: Alexander Gardner, 1890. Vol. I–IV.

Curt-I. – Curtin J. Myths and Folk-lore of Ireland / J. Curtin. London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1890. 350 p.

Curt-II. – Curtin J. Hero-Tales of Ireland / J. Curtin. London: MacMillan and Co., 1894. 612 p.

Hart. – English Fairy and Other Folk Tales / selected and ed. with introduction by E. S. Hartland. London: The Walter Scott Publishing; N. Y.: Felling-on-Tyne, 1890. 301 p.

1. Березина О. С. Дом в русской литературной традиции // Мировая классика и молодежная культура. 2014. № 2. С. 136–140.

2. Померанцева Э. В. Народные верования и устное поэтическое творчество // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 158–168.

3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Изд. 2-е. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 367 с.

4. Пропп В. Я. Русская сказка / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

5. Пропп В. Я. Русский героический эпос / комментирующая ст. Н. А. Криничной; сост., науч. ред., именн. указ. С. П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.

6. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. I–V.

7. Folklore, Myths and Legends of Britain / R. Ash, G. Ashe, K. Briggs, Th. Brown et al.; edited by the Reader's Digest Association Ltd. London: The Reader's Digest Association Ltd., 1973. 552 p.

8. Hamilton J. Scottish Myths and Legends. New Lanark: Waverley Books, 2009. 190 p.

9. Mysterious Britain & Ireland / N. Boothman, R. Freeman, I. Topham, D. J. Parkinson. 2015. URL: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/> (дата обращения: 12.10.15).

10. Oxford Dictionaries. – Oxford University Press, 2015. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 11.10.15).

11. Shuker K. P. N. Dragons: A Natural History. N. Y.: Barnes & Noble Books, 2003. 120 p.

12. Simpson J. British Dragons. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions, The Folklore Society, 2001. 176 p.

1. Berezina O. S. Dom v russkoj literaturnoj tradicii. *Mirovaja klassika i molodezhnaja kul'tura*. 2014. No. 2. Pp. 136–140.

2. Pomerantseva E. V. Narodnye verovaniya i ustnoe poeticheskoe tvorchestvo. *Fol'klor i etnografiya*. L.: Nauka, 1970. Pp. 158–168.

3. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Izd. 2-e. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986. 367 p.

4. Propp V. Ya. Russkaya skazka. Nauch. red., komment. Yu. S. Rasskazova. M.: Labirint, 2000. 416 p.

5. Propp V. Ya. Russkii geroicheskiy epos. Kommentiruyushchaya st. N. A. Krinichnoi; sost., nauch. red., imennoi ukaz. S. P. Bushkevich. M.: Labirint, 1999. 640 p.

6. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti t. Pod red. N. I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012. T. I–V.

7. Folklore, Myths and Legends of Britain. R. Ash, G. Ashe, K. Briggs, Th. Brown et al.; edited by the Reader's Digest Association Ltd. London: The Reader's Digest Association Ltd., 1973. 552 p.

8. Hamilton J. Scottish Myths and Legends. New Lanark: Waverley Books, 2009. 190 p.

9. Mysterious Britain & Ireland. N. Boothman, R. Freeman, I. Topham, D. J. Parkinson. 2015. URL: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/> (дата обращения: 12.10.15).

10. Oxford Dictionaries. – Oxford University Press, 2015. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 11.10.15).

11. Shuker K. P. N. Dragons: A Natural History. N. Y.: Barnes & Noble Books, 2003. 120 p.

12. Simpson J. British Dragons. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions, The Folklore Society, 2001. 176 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2015 г.

G. A. Trofimov

Mari State University, Yoshkar-Ola

ON THE ANTHROPOMORPHISM OF SERPENTS AND DRAGONS IN RUSSIAN AND BRITISH FOLKLORE

The article discusses the problem of the anthropomorphism of dragons and serpents in the Russian and British folklore based on the material of fairy tales, epics and legends. In Russian folk tradition, the author identifies two faces of the serpent. The first one is characterized by the predominance of zoomorphic features; it is associated with other supernatural beasts, among which a bird and a lion can be pointed out. The second variation is anthropomorphic; this version of the serpent lives in a human dwelling, uses cold steel etc. The image of the anthropomorphic serpent in Russian fairy tales is quite close to the one of the ruler of the foreign kingdom. This kingdom is connected with the idea of the other world. There is no distinct boundary between the above-mentioned variations of the image of serpent. In Russian epic songs, the monster reveals much more evident in connection with the image of the aggressive foreign invader. In the anthropomorphic version of the image, the human features prevail while the serpent features are sometimes interpreted in a new, more rational way. Conversely, in British legends the image of the dragon or serpent is profoundly zoomorphic in most cases. The monster here is an aggressive predator, which, unlike its Russian equivalent, shows no signs of reason or ability to speak. Lastly, serpentine creatures in British fairy tales are close to the zoomorphic serpent from Russian folklore. The functions of the Russian fairy anthropomorphic serpent are carried out in the English versions of the same or analogous fairy plots by the other monstrous anthropomorphic creature: the giant. The images of the female-monsters – she-serpents in Russian fairy tales and female-giants in the British ones – also reveal the commonness of the external features and the way of acting. The conclusions are illustrated by the examples from the sources of the folk texts.

Keywords: folklore, dragon, serpent, giant, anthropomorphism, fairy tale, legend, Russian epic, the other world, dragon-fighting.